

УДК 378.4:281.911|652|:130.2

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ВИЗАНТИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

А.С. ФИЛИН

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)

Анализируется специфика развития византийского высшего образования, в котором доминирующую позицию занимал Константинопольский университет. Обосновывается деятельность данного университета в Византийской империи как направленная на сохранение и передачу византийского культурного кода в рамках собственной культурной динамики ромеев, а также в рамках процессов культурных диффузий стран Восточной и Западной Европы. Опыт удачных решений в вопросах распространения собственного культурного кода свидетельствует о важной роли высшего образования в процессе инкультурации византийской цивилизации, где отсутствовал типичный для культур стран Западной Европы конфликт между церковью, образованием и наукой. Проводится идея, что именно светская власть империи, а не церковь, выступала главным координатором образовательных процессов, а традиционный светский характер высшего образования обеспечивал престижность интеллектуального труда, способствовал распространению античных идей (прото-Возрождение) в средневековой Европе.

Введение. Образование выступает одной из наиболее значимых охранительных структур цивилизации, обеспечивает передачу культурного кода между поколениями. Трансляторная способность Византии к передаче своего цивилизационного кода другим культурам является уникальным феноменом, требующим пристального изучения в гуманитарных науках. Степень воздействия такова, что спустя пять веков после падения Константинополя, переданная культурная парадигма сохраняет роль константы для цивилизационной динамики всех восточнославянских культур. Одним из механизмов передачи цивилизационного кода в рамках культурной диффузии является трансляция системы знаний через социальные институты образования. Важность изучения высшего образования в Византии определяется количественными показателями данного специфического артефакта культуры. Несмотря на многочисленные исследования проблем византийского образования (например, работы В.Г. Василевского, Ф.И. Успенского, Ф.А. Курганова, Е.Е. Голубинского, В.В. Болотова, А.П. Лебедева, И.И. Соколова, Х.М. Лопарева, А.П. Рудакова, А.А. Васильева, И.И. Шевченко, Д.Д. Оболенского, Н.А. Грабара, протопресвитера Иоанна (Мейендорфа), протоирея Александра (Шмемана), А.П. Каждана, А.Л. Дворкина, К. Крумбахера, Э. Штейна, Ш. Диля, Ж. Дагрона), сохраняется проблематика синтеза результатов разнодисциплинарных научных трудов в рамках культурологического знания. Следует учитывать также, что значительная часть трудов создана до формирования культурологии как самостоятельной дисциплины.

Цель данной работы – определение специфики развития византийского высшего образования и обоснование его значения для формирования современного научного мировоззрения.

Основная часть. Византийская империя, безусловно, наследница античных традиций Рима и Греции, однако следует учитывать, что термин «Византия» возник в результате работ «интеллектуальных лабораторий» Ренессанса и Просвещения, то есть, по сути, это артефакт более позднего времени. Сами византийцы предпочитали называть себя «ромеями» (греч. Ῥωμαῖοι) – греческим вариантом слова «римляне», а свою державу – Ромейской империей (греч. Βασιλεία Ῥωμαίων), или кратко Романией (греч. Ῥωμανία), не отделяя собственную культуру от античной традиции [1]. По нашему мнению, причиной сохранения позднеантичной культуры в Византии являются прекрасно функционирующие механизмы культурной преемственности. Исторические вызовы, с которыми столкнулась интеллектуальная элита Византии, и её ответ на тотальную варваризацию Запада, последующую исламизацию Востока являются примером функционирования системы «культура – цивилизация» во враждебном окружении. Анализ функционирования трансляторных систем знаний между поколениями раскрывает параметры универсальности, причины глубокой укоренённости культуры византийского сообщества.

В контексте современных процессов реформирования системы высшего образования на постсоветском пространстве в целом, и в Беларуси в частности, развитие византийского образования может служить примером бережного отношения к собственным традициям. Наиболее ярким таким примером выступает деятельность Константинопольского университета – оплота образованности и просвещения в стремительно набравших силу центробежных процессах раннего Средневековья.

Значительная часть истории Константинопольского университета исследована недостаточно. Если выявить её периодизацию, то началом, или первым этапом, существования этой высшей школы следует

считать, по крайней мере, пятый век. Среди первых документальных источников выделяют указ 425 года императора Феодосия II, в котором университет, по-гречески «пандидактерийон» (греч. Πανδιδακτήριον), был расширен и реорганизован. Ряд исследователей, в частности, Д.Д. Оболенский, указывают и более ранний период его возникновения – время императора Константина Великого, то есть четвертый век [2]. Даже если признать началом существования главного вуза империи 425 год, то высшая школа в Константинополе – старейший и постоянно действующий университет средневековой Европы. Отметим, что самые старые вузы Западной Европы – Болонский и Парижский университеты – развернули свою деятельность лишь в XI веке. Таким образом, Византию можно считать авангардом в сфере высшего образования на значительном протяжении истории Средневековья.

Второй этап деятельности университета связан с реорганизацией в IX веке, которую император Феофил провел при непосредственном участии Патриарха Константинопольского Фотия. Изменения были направлены главным образом на повышение роли светского, а не церковного начала в образовании. Занятия в университете проходили в здании Большого дворца в специальной палате, называвшейся Магнаврской. Отсюда второе название вуза – Магнаврский университет. В это период Византийская империя вела широкую миссионерскую деятельность, прежде всего на славянских землях, что объясняется стремлением подготовить всесторонне образованных проповедников. Во время правления императора Константина IX Мономаха в 1045 году в университете было создано два факультета: юридический и философский. Первый декан философского факультета – выдающийся византийский философ Михаил Пселл – оставил интересное описание занятий в Магнаврской высшей школе: своеобразие метода обучения состояло в том, что студенты задавали вопросы, а профессор, отвечая на них, превращал свой ответ в лекцию, которую студенты записывали, держа тетради на коленях. Вопросы должны были касаться определенной тематики, студенты писали упражнения, которые профессор подвергал критике и исправлял [3].

Началом последнего периода деятельности университета следует признать 1204 год – захват Константинополя крестоносцами. Завершился он в 1453 году взятием Второго Рима турками-османами. Отметим, что высокий статус этого учебного заведения не подвергался сомнению никогда. Даже в этот последний период, когда империя сокращалась в своих размерах, университет продолжал оказывать существенное влияние на процессы набиравшего силу западноевропейского Ренессанса [4]. Британский культуролог А.Дж. Тойнби высказывал серьезные сомнения в справедливости значения Ренессанса для Итальянских государств, указывая на межкультурную диффузию западноевропейской и византийской локальных культур этого периода [5]. То есть для Западной Европы попытка возрождения античных традиций связана не столько с самим возрождением римской древности, сколько с восприятием традиций античности в византийской «транскрипции».

Специфика развития образования в средневековой западной культуре заключается в интегративном характере воздействия церковных элит (А. Шмеман) [6]. По сути дела, католическая церковь долгое время оставалась единственным островком образованности и грамотности. Именно Церкви принадлежит приоритет в организации школ и университетов Западной Европы. Поэтому нас не должен удивлять тот факт, что все западные интеллектуалы так или иначе посвящали ей свои труды. Расхожая фраза о том, что «философия – это служанка богословия» (лат. *Philosophia est ancilla theologiae*), не должна вводить в заблуждение, так как философия – это прежде всего универсальный инструмент познания окружающей реальности, и было бы странным не использовать данный инструмент в области религиозного освоения мира. В любом случае, несмотря на кажущееся пренебрежение, именно богословие стимулировало развитие философии в Средневековье, повлияло на формирование научного знания в целом.

Однако в Византии мы не наблюдаем элементов интегративного значения Церкви в вопросе развития систем научного постижения мира. Связано это с тем, что традиции светского образования там никогда не пропадали. Государство, а не церковь, явилось организатором первых европейских научных центров, и именно светская власть империи создала Константинопольский университет. В отличие от западного высшего образования здесь выпускники были мирянами, служили (например, юристы) в абсолютно светских социальных учреждениях Византии. Даже такая, казалось бы, узкая сфера деятельности, как каноническое право была представлена мирянами, за редким исключением. В собственно богословском образовании за всю историю Византии мы не найдем примеров системного изучения этой специфической области знания. В Константинопольском университете студенты изучали преимущественно светские науки, то есть семь свободных дисциплин: грамматику, риторику, логику, арифметику, геометрию, астрономию, теорию музыки, затем следовало изучение философии. Отметим, что богословие не входило в учебную программу. Но, с другой стороны, для получения богословского образования существовала основанная патриархом Фотием Патриаршая академия; однако, за исключением св. Марка Эфесского – участника Ферраро-Флорентийского собора (1438–1445 гг.), она не смогла дать более ни одного выдающегося богослова.

Место богословской науки в богатейшей интеллектуальной палитре Византии было иным, нежели в западной системе образования. Изучение богословских дисциплин являлось делом сугубо индивидуальным, причем изучали их не только священники. Каждый гражданин империи считал своим долгом понимать православное богослужение, знать толкования священного писания святыми отцами Церкви. Однако даже в этом учебном процессе значительную роль выполняли богословы миряне или церковнослужители, которых не следует путать со священнослужителями. Таким образом, несмотря на некоторые изменения, привнесенные христианством, византийцы остались верны духу классического образования. Обучение в университете определялось традиционными для того времени стандартами: семь свободных наук, а также философия и римское право. Даже такой политически ангажированный шаг, как закрытие неоплатонической школы в Афинах императором Юстинианом Великим в 529 году, отнюдь не означал, что христианская империя собиралась привносить в высшее образование религиозный контекст. Наоборот, перенос центра просвещения в столицу Византийской империи способствовал консолидации интеллектуальных сил, сохранению и развитию всего античного наследия.

Распространенность грамотности, в том числе среди простых граждан империи, была достаточно высокой [7]. Высшее образование являлось бесплатным, платными были начальная и средняя школы. Социальный статус учащихся не имел принципиального значения – «...даже дети простых людей, могли стать чиновниками императорской или церковной канцелярии, податными сборщиками, судьями, секретарями, адвокатами, офицерами, переписчиками – каллиграфами» [8, с. 479].

Античная ученость для Византии – это норма образованной интеллектуальной элиты. Для Западной Европы, напротив, характерно отсутствие сформированного «вкуса» к просвещению в элитарных кругах.

Византийский историк Никита Хониат, современник четвертого крестового похода, указывает, что захватчики пренебрежительно отзывались о греках, ставили им в вину, помимо «общепризнанного» Европой коварства, также излишнюю ученость, выражавшуюся в привычке много писать [9]. Несмотря на то, что христианская интеллектуальность противопоставляла себя языческой философии, строгой поляризации между основными «партиями» интеллектуальных элит в империи не существовало. Безусловно, в любой период развития локальных культур имеет место религиозный радикализм, но в Византии «монашеская партия» не противопоставляла себя светской интеллектуальной элите, разумеется, кроме случаев грубого вмешательства светской власти в церковную догматику. В целом же церковная иерархия не осуждала стремления к знаниям, как и не порицала светских интеллектуалов. Будучи всю свою жизнь мирянином, христианский мистик XIV века св. Николай Кавасила «прямо заявлял, что священник, получивший светское образование, куда более ценен, чем не получивший такового» [1, с. 735]. Несмотря на негативное отношение к языческой философии, к «мирскому» мудрствованию, схожее мнение высказал и св. Григорий Палама, который великолепно знал учение Аристотеля. Концепции св. Григория об энергиях и сущностях вошли впоследствии в теоретические построения паламизма.

Серьезным изменением в системе высшего образования Византии стала реформа Андроника II Палеолога (1282–1328), университет стал подчиняться великому логофету. Должность логофета в Византии примерно соответствовала статусу современного министра. Новшеством было также введение платы за обучение, поскольку казна империи уже не могла поддерживать на должном уровне качество высшего образования. В таком виде университет продолжал функционировать вплоть до османского завоевания Константинополя.

Заключение. Лимитрофное положение белорусской культуры между западноевропейской и славянской православной определяет специфику Беларуси в социально-политической и культурной ориентации. Тенденции в белорусской культуре, связанные с поиском своего достойного места в мультикультурной Европе, могут приводить к излишней редукции в восприятии западноевропейских цивилизационных принципов в области образования. В такой ситуации важны общие для дочерних культур механизмы взаимодействия с цивилизационными основами Византии.

Специфика развития византийского высшего образования позволяет на уровне культурных кодов определять оптимальные принципы межкультурного взаимодействия без опасности утраты аутентичности. Целенаправленная работа византийских элит, стремившихся минимизировать потери, вызванные опустошением основных просветительских центров – Рима и Карфагена, позволила сохранить преемственность и высокий статус античного наследия в условиях непрерывных катастроф гибнущей греко-римской цивилизации.

Опыт цивилизационного развития Византии не может быть предан забвению, первостепенное внимание заслуживает государственная поддержка системы высшего образования как основного транслятора фундаментальных идеалов и принципов функционирования цивилизации.

Развитие высшего образования в Византии шло по пути минимизации неконтролируемых процессов в области образовательных программ; любые инновационные преобразования в социальной и культурной сферах проводились с максимальной осторожностью. Ошибки в таком процессе чреваты утратой самоидентичности новых поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дворкин, А. Очерки по истории Вселенской православной церкви: курс лекций / А. Дворкин. – 4-е изд., испр. – Н. Новгород: Христианская библ., 2008. – 936 с.
2. Оболенский, Д.Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов / Д.Д. Оболенский. – М.: Янус-К, 1998. – 655 с.
3. Пселл, М. Хронография / М. Пселл; пер. и прим. Я.Н. Любарского. – М.: Наука, 1978. – 324 с.
4. Культура Византии XII – первая пол. XV в. / Г.Г. Литаврин [и др.]; под общ. ред. Г.Г. Литаврина. – М.: Наука, 1991. – 640 с.
5. Тойнби, А.Дж. Исследование истории: цивилизации во времени и пространстве / А.Дж. Тойнби; пер с англ. К.Я. Кажурина. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 863 с.
6. Шмеман, А. Исторический путь Православия / А. Шмеман. – М.: Паломник, 2007. – 400 с.
7. Каждан, А.П. Византийская культура (X–XII вв.) / А.П. Каждан. – СПб.: Алетейя, 2006. – 280 с.
8. Культура Византии IV – первая пол. VII в. / Г.Г. Литаврин [и др.]; под общ. ред. Г.Г. Литаврина. – М.: Наука, 1984. – 723 с.
9. Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина / пер. и ред. В.И. Долоцкого и И.В. Чельцова. – СПб.: СДА, 1860 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/Хониат/>. – Дата доступа: 28.08.2013.

Поступила 06.05.2014

CULTURAL CONTEXT BYZANTINE HIGHER EDUCATION

A. FILIN

The specificity of the Byzantine development of higher education in which the dominant position held University of Constantinople. Activities of this university empire contributed to the preservation and transmission of Byzantine cultural code, both within their own cultural dynamics of the Romans, and in the processes of cultural diffusion in Eastern and Western Europe. Experience of successful solutions in the dissemination of its own cultural code illustrates the critical role of higher education in support of the processes of inculturation of Byzantine civilization. In Byzantium absent typical cultures of Western Europe the conflict between the church and science. Temporal power of the empire, not the church is the main organizer of the formation. Successful preservation of the secular nature of higher education, helped to improve the prestige of intellectual labor that accelerated the emergence of processes Renaissance in medieval Europe.